

Карл СУММАНЕН,
Наталья ЛАЙДИНЕН

г. Москва

Имя замечательного поэта, автора более двадцати поэтических сборников (на русском и финском языках), переводчика, литературного критика, заслуженного работника культуры КАССР и РСФСР, лауреата государственной премии Комсомола Карелии и премии имени Архиппы Перттунена, члена Союза писателей СССР Тайсто Карловича Сумманена серебряной вязью вписано в сокровищницу финской и русской классики.

Благодаря вдохновенным усилиям поэта карельская природа, человеческие чувства и переживания, ускользающие мгновения эпохи оказались навсегда запечатленными на полотнах его лирики. Финские читатели открыли для себя в переводах Сумманена лучшие произведения великой русской поэзии – от Александра Блока до Владимира Высоцкого, а россияне смогли больше узнать о финской литературе. Кроме того, огромная заслуга Т.К. Сумманена заключается в том, что он перевел на русский язык и сделал доступными для русскоязычных читателей произведения писателей, живущих в Карелии и пишущих на финском языке, в том числе романы и повести Николая Яккола, Антти Тимонена, Пекки Пертту, Ульяса Викстрема...

Исследователи и почитатели восхищаются мелодичными, многозвучными стихотворения-

ми, самобытным образным миром, удивительной простотой и философичностью его творчества. Однако о личности и непростой судьбе поэта, сложного и необычного человека, современникам известно не слишком много. Постепенно уходят те, кто был близок с художником слова, дружил и встречался с ним, а для новых поколений писателей и читателей Тайсто Сумманен – лишь абстрактный голос из другого далекого времени, непонятного исчезнувшего мира, знакомое имя на потертом корешке книги.

Кто может правдивее и душевнее рассказать о человеческих качествах поэта, как не единственный любимый сын, продолжатель рода! Карл Тайстович Сумманен избрал для себя в жизни совсем иную стезю: выпускник Московского физико-технического института, ученый, работавший в разных странах мира, сегодня является вице-президентом одного из российских банков, живет в столице России. Его судьба как будто движется по другой орбите, на высоких скоростях, но об истоках, родных корнях, отцовском вдохновении забыть невозможно. Карл Тайстович согласился поделиться воспоминаниями об отце как о человеке (анализ творчества, на его взгляд, – удел критиков, филологов и читателей), у нас состоялась проникновенная и очень эмоциональная беседа.

– Карл Тайстович, что вы знаете о семейной истории вашего отца?

– К сожалению, в этой части известно немного. Однажды папа нарисовал подробное генеалогическое древо, но эта фамильная реликвия, к сожалению, оказалась утраченной при переездах.

После того как в Россию из Финляндии эмигрировал мой дед, тезка – Карл Тайстович Сумманен, семейная история в некотором роде прервалась. Знаю, что в Финляндии оставались родственники, папа с ними время от времени поддерживал связь, однажды они даже приезжали в Петрозаводск, но так получилось, что я с ними ни разу не встречался. Дед был революционером, активистом финской коммунистической партии, участвовал в политической жизни страны. В период, когда в Финляндии начались репрессии, последовавшие после поражения финской революции 1918 года, его арестовали, он шесть лет отсидел в тюрьме. В результате обмена заключенными Карла Тайстовича в числе других финских революционеров привезли в Россию, он учился в Петербурге в Коммунистическом университете нацменьшинств Северо-Запада, затем переехал в Карелию, преподавал историю в Петрозаводске.

Моя бабушка – Екатерина (по-фински – Катри) Ивановна Ихалайнен – родом из Ингерманландии, она работала уборщицей там, где учился дед, так они и познакомились. В семье существует предание, что до революции Екатерина Ивановна была прислугой при дворе российской императорской семьи, общалась с последней российской царицей Александрой Федоровной. Она вспоминала, что царственная особа немало внимания уделяла беседам с простой челядью, прислугой, рабочими, находилась в курсе всех проблем, помогала добрым словом, деньгами, участвовала в их жизни.

Бабушка (я называл ее «муммо») оказала большое влияние на процесс формирования моей личности, фактически вырастила меня, поскольку в детстве я с ней проводил много времени – мама и папа работали. В Петрозаводске Екатерина Ивановна жила на улице Анохина в двухэтажном домике, в коммунальной квартире комнат на десять-пятнадцать. Как сейчас помню длинный темный коридор, кухню, один большой открытый туалет – на всех, печки в комнатах... У бабушки проживало огромное количество кошек, то ли 17, то ли 47, почему-то запомнились эти два числа, на диван сесть было невозможно, они лежали повсюду! Комнату отапливали дровами, я очень любил огонь и запах дыма, это одно из самых теплых воспоминаний детства.

Бабушка разговаривала со мной только по-финс-

ки, именно этот язык стал моим первым, лет до четырех-пяти я по-русски почти не говорил, даже мама меня частенько не понимала. Так что мой финский язык – от бабушки и, конечно, от папы, которого я всю жизнь называл по-фински «ися».

– Отец вам что-то рассказывал о своих детских годах?

– Папа никогда не был домашним ребенком, вырос фактически на улице, на петрозаводской речке Неглинке, много времени проводил в лесу и на природе. Однажды чуть не утонул – чудом в последнюю минуту бабушка его вытащила. Войну встретил десятилетним мальчишкой. Однажды снаряд упал рядом с домом, где они жили, ударной волной Тайсто сбросило с кровати, – он часто рассказывал об этом. В память отца на всю жизнь врезалось воспоминание об эвакуации на баржах из Петрозаводска, под сильной бомбежкой. Война не случайно стала одной из важных тем в его творчестве.

– В Карелии у Тайсто Сумманена были любимые места?

– Отец любил Карелию, глубоко чувствовал ее природу. Очень часто с теплотой вспоминал Олонек, «не город, а солнечный края венец» – он некоторое время там жил, наверно, это были счастливые годы. Каждый раз по пути в санаторий «Таруниemi» (в переводе с финского – «Сказочный мыс»), расположенный на побережье Ладожского озера к югу от города Сортавала, несмотря на тяжелую дорогу, он просил водителя «Волги», которую нам выделял Союз писателей, заехать туда – очень любил олонецкие края. Говорил почему-то, что в Олонце необыкновенно красивые девушки. Как любой талантливый творческий человек, отец был очень влюбчивым.

– Как отец познакомился с мамой?

– Судя по фотографиям, их роман развивался в студенческой компании. Отец учился в университете, мама, Валерия Степановна Мезенцева, после окончания вуза в Ленинграде только начинала работать в пединституте... Где-то на молодежной вечеринке и познакомились, потом поженились, поселились на Перевалке. Несмотря на то что я прожил там чуть больше года – с 1959 по 1961г., прекрасно помню тот дом, даже хочу его отыскать, хотя, скорее всего, его уже снесли. Среди воспоминаний – деревянная лестница со второго этажа, я спускаюсь, а в солнечном квадрате под окном на полу сидит большой черный кот, я тогда очень его испугался.

– *А какие воспоминания из детства об отце сохранились?*

– Они всплывают в памяти как яркие картинки, часто бессвязные, – таково детское восприятие. Помню высокую черную шапку папы, похожую на папаху, которую он носил зимой, и его черное пальто. Когда он возвращался с работы, на нем таяли снежинки, пахло свежестью и морозцем...

Мы с папой часто ходили вместе гулять, всегда вечером, в темноте. Меня тепло одевали, все-таки в Карелии зимой бывает очень морозно. Вдоль улицы раскачивались на ветру желтые фонари. Мы много ходили пешком, а еще папа возил меня на санках. В молодости он, кстати, был очень спортивным человеком, бегал на лыжах. Помню, кругом были огромные сугробы, я лежал на спине, мечтательно глядел в небо, а папа тащил санки. О чем-то все время беседовали: о детском, о серьезном.

Ребенком я вообще-то был непростым, всегда стремился делать то, что хотел, а не то, что от меня ожидали. Любил огонь, разводил костры, порой даже дома на кухне или в ванной. Экспериментировал со всем, что горит и взрывается. Любил воду, это служило постоянным источником проблем. Как только попадалась лужа, я обязательно влезал на ее середину и радостно топал ногами – пришлось мне купить непромокаемый комбинезон, похожий на костюм водолаза. Постоянно приходил домой грязный и промокший. Мама переживала, сердилась, она была сторонницей чистоты и классических подходов к воспитанию детей, а папа никогда не делал замечаний, относился к моим страстям философски, старался договариваться и не гневаться по мелочам. Он считал, что ребенку нужно позволять все, что не несет прямой угрозы его жизни и здоровью. Думаю, по своему складу я больше пошел в папу.

– *Отец прививал вам любовь к чтению, книгам? Занимался с вами?*

– Я довольно рано научился читать – годика в четыре, стал сразу «глотать» книги в огромных количествах. Причем какое-то время одновременно на русском и на финском. Просто брал пример с папы, который много читал – на разные темы. Он был человеком очень широких интересов, сочетая в себе качества интеллектуала и эрудита, обладал превосходной памятью, глубокими знаниями в разных сферах. Из поэтов особенно ценил Владимира Морозова и Владимира

Маяковского. Всегда интересовался древней и современной историей, достаточно скептически относился к советской реальности, никогда не брал на веру поступающую из СМИ информацию, стремился к объективности оценок. Вообще, у него сформировался очень взвешенный подход к жизни, не было только «черной» и «белой» сторон. Это отношение к окружающему миру он передал и мне.

Папа всегда интересовался математикой. Когда я учился в заочной физико-технической школе при Московском физтехе, он вместе со мной, а иногда и вместо меня, решал зубодробительные задачи, например по стереометрии. Это была активная помощь с элементами принуждения – иногда мне больше хотелось погулять, чем заниматься. В отце удивительным образом сочетались большая интеллектуальная мощь и отличное пространственное мышление. Тайсто говорил, что если бы он не был поэтом, стал бы математиком!

Отец никогда не давил на мой выбор жизненного пути, а когда я определился, всегда меня поддерживал, помогал. Кстати, поступать именно в Московский физико-технический институт – это совет родителей после того, как я где-то в шестом классе окончательно решил, что хочу заниматься физикой и математикой. Они провели исследование вузов и посоветовали именно этот, помогли поступить в заочную школу для подготовки к экзаменам в институт, за что я им до сих пор благодарен, это был правильный выбор.

Папа также учил делать мелкие бытовые дела по дому, так что и все мои сегодняшние мастерские навыки – от него.

– *Какие главные человеческие качества вы бы выделили в отце?*

– Мудрость, доброта, прямота. И очень специфический юмор, с иронией, с «перчинкой», иногда близкий к «черному», иногда – к «оскар-уайльдскому». Он был оптимистом, но хорошо информированным, любил посмеяться над собой и окружающей действительностью. Порой шутки получались достаточно язвительными. С удовольствием смотрел по телевизору юмористические передачи с участием Александра Иванова, Михаила Жванецкого.

При всем этом папа был деликатный, отзывчивый и внимательный человек, я с ним делился своими проблемами, он мне мягко подсказывал, как себя вести, но никогда не давил.

– У Тайсто Сумманена был открытый дом?

– Гости навевались постоянно, каждый вечер, иногда по несколько человек. Приезжали к нам и из Финляндии. Среди близких друзей папы – Николай Яккола, который заглядывал почти ежедневно, они с отцом сидели на кухне, пили чай, и не только, говорили обо всем – о политике, о жизни. Папа очень переживал потом по поводу его смерти. Часто заходили Олег Мишин, Иван Костин, Антти Тимонен, практически все тогдашние карельские писатели – и маститые, и молодые. При всей внутренней сложности папа был очень открыт и доступен, много времени посвящал работе с начинающими поэтами, тщательно разбирал их стихи, порой помогал найти нужные слова, подсказывал целые строфы... Всегда был готов делиться опытом, делал это деликатно, по-доброму.

Я в возрасте пяти-шести лет тоже начал писать стихи. Папа подбадривал, давал возможность раскрыться. Считал, что ребенку важно попробовать свободно творить, не загонять его сразу в какой-то писательский канон. Но однажды один из наших гостей, литературный критик, провел жесткий анализ моего творчества «повзрослому», помню, что я очень расстроился и даже обиделся. Может быть, из-за этого у меня потом пропало желание быть поэтом. Очень легко излишней требовательностью задавить, убить в ребенке искорку творчества. Папа никогда не позволял себе резкости в оценках произведений молодых авторов. Когда я перестал писать, он не пытался вернуть меня обратно к творчеству: раз душа не просит – так тому и быть, принуждать бесполезно.

– Когда вы осознали, что ваш отец – большой поэт?

– Думаю, до конца еще так и не осознал. Много нужно понять, переосмыслить. Мечтаю перечитать на финском все произведения Тайсто Сумманена, теперь уже, видимо, на пенсии.

Помню, что время от времени его посещало вдохновение – это был спонтанный процесс, который мог произойти в любом месте, в любое время – за столом, на прогулке. Иногда я замечал, что он начинал тихо проговаривать на финском какие-то строки, видимо создавал в голове стихотворение, проверял, как оно звучит. Отец переживал внутреннее озарение, а потом тщательно работал, выверяя строфы, шлифуя, доводя до совершенства. Его вдохновляли и внутрен-

ние переживания, и внешние события. Иногда он экспериментировал с формой, как при написании «Скалы двух лебедей»: это произведение эпическое, во многом навеянное «Калевалой».

Надо отметить, что поэтом папа себя почувствовал не сразу: по первому образованию в Петрозаводском кооперативном техникуме он бухгалтер. Даже отработал год по этой специальности. Потом понял, что бухгалтерские проводки – это не его дело жизни, ушел в литературу, поступил на финно-угорское отделение филологического факультета Петрозаводского государственного университета. Так что писать стихи, переводить, заниматься литературным консультированием и критикой стал уже сложившимся человеком.

Всегда осознавал свою миссию: работать для людей. Папа не из тех, кто всю жизнь абстрактно творил бы в стол, исключительно для литературного самоутверждения. Ему важно было создавать стихи и знать, что люди их читают и понимают. К счастью, при жизни произведения Тайсто Сумманена достаточно широко публиковались.

– Тайсто Сумманен – прежде всего лирик, очень тонкий поэт. У него не было конфликта с окружающей реальностью?

– Папа всегда жил в двух мирах, причем в нашем «бытовом» – меньше, чем в мире поэзии. От многих материальных тем он был совершенно отстранен. Наступавшая болезнь только усилила этот отрыв. Душа отца находилась в пространстве природы, человеческих взаимоотношений, чувств – того, о чем люди обычно глубоко не задумываются. В наше время «эффективных менеджеров» такой взгляд на жизнь некоторые даже считают слабостью.

При этом мечтателем в духе Манилова Тайсто Сумманен никогда не был, проявлялся как вполне практичный человек, решения принимал спокойно и взвешенно. Идею Бога подвергал такому же скептическому анализу, как и советскую пропаганду. Не считал себя ни атеистом, ни верующим: полагал, скорее, что есть некая граница познания, за которую перейти невозможно. При этом, после того как я в седьмом или восьмом классе прочел «Забавную Библию» Лео Таксила, мы поговорили об этой книге и подходе автора. Папа тогда сказал, что так нельзя ни в коем случае поступать, даже будучи атеистом, – внедряться, входить в доверие, а потом бить в спину. Для него очень важна была порядочность в любых отношениях.

Большую часть времени Сумманен находился в процессе литературной работы – днем и ночью. Конечно, случались перерывы, порой мы вместе смотрели фильмы по телевизору, но это не мешало ему параллельно размышлять на другие темы. Было видно, что он смотрит на экран, но думает о чем-то другом. Конфликта с реальностью у него не было, его миры вполне гармонично сочетались. В человеческом плане отец жил по библейскому принципу «не суди и не судим будешь». Но вот такое его качество как бескомпромиссность, прямота в ситуациях совершения несправедливых действий порой создавало проблемы. Папа не боялся высказывать правду в глаза, называть вещи своими именами, не молчал, если видел несправедливость или непорядочность.

Когда в Афганистан ввели советские войска, отец сразу сказал, что это ошибка. После выхода нового перевода «Калевалы» на русский язык у нас дома происходили ежедневные многочасовые обсуждения между папой и его коллегами. Тайсто Сумманен достаточно резко выражал свое отношение к некоторым «находкам» и подходам переводчиков. Иногда из-за его принципиальной позиции по литературным вопросам возникали дискуссии и в Союзе писателей Карелии. Свою точку зрения на перевод эпоса «Калевала» папа изложил в статье «Что такое «максимально живой?», вошедшей в сборник «Художественный перевод: проблемы и суждения», изданный в 1986 году московским издательством «Известия».

С КГБ у папы сложились весьма натянутые отношения. Домашний телефон прослушивался. Поскольку аппаратура тогда не отличалась высоким качеством, иногда было различить странные звуки типа перемотки пленки. Папа особенно по этому поводу не переживал, относился к наблюдателям с иронией, иногда повторял некоторые фразы и комментарии специально «для товарища майора». Разрешения на выезд в Финляндию ему много лет не давали, хотя папа очень хотел там побывать. Он чувствовал себя одновременно и советским гражданином, и финном. Как циничное издевательство, разрешение пришло, когда отец уже пересел в инвалидное кресло и поехать нигде не мог. Кстати, я думаю, что такие отказы – полная глупость. Тайсто Сумманен никогда бы не остался на Западе, родиной он считал Советский Союз, каким бы несовершенно он ни был.

Кстати, после распада СССР (папа к этому моменту уже умер) к маме приходил в гости бывший сотрудник КГБ, который нас «курировал» в советское время, сменивший к тому времени работу, – познакомиться лично, попить чаю.

– Как отец переживал болезнь?

– Если не ошибаюсь, ее начало связано с одной из командировок, возможно на Беломорканал, когда папа сильно переохладился и заболел гриппом. Болезнь папа перенес на ногах, не лечился, что привело к осложнениям в виде полиартрита. Это произошло, когда я был совсем маленьким, поэтому, сколько себя помню, папа все время болел. Год от года происходило постепенное ухудшение: сначала он передвигался самостоятельно, но прихрамывал, потом ходил с палочкой, на костылях, наконец уже не мог выходить на улицу... Нам пришлось переехать с пятого этажа на первый, чтобы отцу было проще спускаться. Где-то году в 1974-м папа пересел в инвалидное кресло. Было очень тяжело и ему, и маме, которая продолжала работать и ухаживала за Тайсто.

Я тоже старался помогать, мы часто семьей ездили в санаторий «Таруниemi» под Сортавалой. Иногда мы с папой оставались там вдвоем, давали маме отдохнуть. Отец делал все, что в его силах, чтобы быть максимально независимым, не перекладывать свою боль на других, держался всегда очень достойно и мужественно. Какой ценой это давалось – другой вопрос. Далеко не всегда люди выдерживают такое тяжелое испытание. Мои родители – выдержали, до конца сохранив взаимную поддержку, понимание и любовь.

После того как папа ушел, мама так и не смогла это принять. Она постоянно перечитывала стихи Тайсто Сумманена, занималась разбором архивов, готовила к печати сборники, это на протяжении многих лет давало ей силы. Но смириться со смертью мужа, начать новую страницу жизни она так и не сумела... Была предана отцу до конца.

Беседовала Наталья ЛАЙДИНЕН

При оформлении использована картина Валентина Чекмасова

Фото из семейного архива Карла Сумманена

Отец, 1959 г.

Мама, 1959 г.

*Карл.
Детство*

Карл. Наши дни

Тайсто СУММАНЕН

«МОЖНО СЛУШАТЬ ОЗЕРНУЮ ПЕСНЮ ЧАСАМИ...»

О ЧЕМ ПОЮТ ОНЕЖСКИЕ ВОЛНЫ

Не случилось тебе летним вечером росным
 Слушать тихую песню онежской волны?
 Песне шепотом вторят и ели, и сосны,
 Что стоят у воды, молчаливы, темны.
 Сколько разных оттенков, обрывков мелодий
 Эта песня сумела и слить и сберечь!
 Научился ли ты, растворяясь в природе,
 Чутким сердцем такую улавливать речь?
 Приходилось тебе посредине залива,
 Переставши грести, услышать за бортом,
 Как с весла обрывается капля пугливо
 И, о воду ударясь, звенит серебром?
 Как бормочет волна, наплывая из мрака,
 Как она, белоснежную пену клубя,
 Вносит в чуткую душу покой
 И, однако,
 Растревожит и чем-то взволнует тебя.
 Можно слушать озерную песню часами,
 И в душе начинает все лучшее жить.
 И о чем-то большом мы хотели б и сами
 Величавую, чистую песню сложить.
 И виденья,
 Закутавшись в пенные клочья,
 Перед вами встают из прозрачной струи.
 В такт живому дыханию дремлющей ночи
 Ткет бессонная память картины свои.
 Вы прислушайтесь к пению волн-северянок –
 Эта песня захватит стремительно вас,
 Словно старец-певец о неведомых странах
 Поведет необычный и чудный рассказ.
 Он расскажет о том,
 Чем и сами вы полны,
 Струны кантеле тронет, задумчив и тих...
 Так поют голубые онежские волны.
 Вы придите сюда и послушайте их.

Перевод с финского Марата Тарасова

ОСЕНЬ

Осень бывает неукротимой, неистовой,
 ветром освистанной...
 И, ничего не щадя,
 она срывает с деревьев красные листья
 и разбрасывает,
 швыряя под ноги дождя,
 такого тысяченогого,
 такого осеннего,
 что нет от него ни укрытия,
 ни спасения.

Осень бывает и грустная,
 и тихая-тихая,
 бывает прозрачна, призрачна и легка...
 И лист отрывается,
 желтым фонариком вспыхивает
 и успокаивается
 на зеркале озера.

Стаи ночей морозных скликает осень,
 зябкие туманы
 сгоняет к реке.
 Холодно,
 но в полях зеленеет озимь –
 тоненькая
 на трогательном стебельке.
 Хрупкая,
 она не боится ветра.
 Как бы вьюги снежные ни мели,
 она поднимается, ласковая и щедрая,
 будущая весна,
 из глубин земли.

Перевод с финского Булата Окуджавы

ДОЛГ

По вечерам, не засыпая долго,
 Открыв глаза, я вновь гляжу во тьму.
 Мне кажется, что я не отдал долга.
 Но что же я не отдал?
 И кому?
 А годы подымались, как ступени,
 И я, казалось, сделал все, что смог.
 Но все равно невидимую тенью
 За мной идет мой неоплатный долг.
 Наверно, и в последний вечер даже,
 Сквозь грозный удаляющийся гул
 Последней мыслью ко мне придет все та же:
 «А долг-то свой я так и не вернул».

Перевод с финского Льва Левинсона

* * *

*То ли грубой силой, то ль обманом
два влюбленных сердца разлучили,
разделили морем-океаном
и на разных землях схоронили.*

*И свершилось чудо на планете:
движимые притяженьем странным,
с мест своих сошли две части света
и поплыли вдруг по океанам.*

*Думали ученые, мудрили,
но живет издревле песнь-легенда,
лишь ее певцу известно было,
почему сошлись два континента.*

Авторский перевод с финского

ДЕРЕВО ПЕСЕН

*Растет на суровой карельской земле
дерево песен.
Корнями упругими – в звонкой скале,
главой – в поднебесье.
Пытались и стужей, и зноем сломить, –
не покорилося.
Хотели его топором погубить,
да сталь затупилась.*

*Ни натиску бурь, ни ветрам грозовым
не уступает,
и долгие зимы безмолвьем своим
его не пугают.*

*Но только весенним теплом дохнет –
вновь вострепнется
и пламенем песен до синих высот,
ликуя, взметнется.*

*Из этой карельской земли вековой
все его соки.
В них сила его, и упорство его,
и песен истоки.*

*За тучи пробьется вершиной своей
и там, в поднебесье,
дотянется к солнцу руками ветвей
дерево песен.*

Перевод с финского Олега Мишина

АВГУСТ

*В августе, когда порой ночью
небеса становятся темней,
все мои заботы, все земное
и понятней, и дороже мне.*

*Медленней и плавней чувств теченье,
явственнее запахи цветов.
И уже отчетливей свеченье
ранних зорь под кромкою лесов.*

*Женский смех доносится до слуха,
гаснет искрой в тлеющем костре,
и листва, пришептывая глухо,
об осенней говорит поре.*

*Песня птиц задумчивей и строже,
грусть и радость породнились в ней.
Все земное в августе дороже,
многое яснее и видней.*

Перевод с финского Марата Тарасова

* * *

*Как догорающий костер,
в снегах закат багряный пышет,
зеленый лапчатый узор
в еловой чаще наспех вышит.*

*Но руки слабые берез
сквозь ледяной
бесстрастный ветер,
сквозь синий крепнувший мороз
к светилу тянутся навстречу.*

*Но слишком рано, потерпи
и сил до времени не пробуй.
Еще метель метет в степи,
черны и пламенны сугробы.*

*И все же там, в далекой мгле,
на той, еще невидной грани
возникло что-то на земле,
хоть нет пока ему названья.*

Перевод с финского Татьяны Стрешневой